

Лекция 9. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

Грань во взглядах на историю, разделяющая два века.
Принцип историзма. Как мы помним, между XVII и XVIII вв. не было разрыва в подходах к истории и обществу, напротив, между рационалистами и просветителями наблюдалась очевидная философско-теоретическая преемственность. Зато *между XVIII и XIX вв. пролегла довольно резкая духовная грань*. Эти различия в форме перехода от эпохи к эпохе, несомненно, во многом объяснялись результатами Великой французской революции, наполеоновских войн, Реставрации Бурбонов во Франции и многих других событий. С начала XIX в. принцип историзма становится все более и более важным⁴¹. По словам известного историка и философа истории Ф. Майнеке (1862–1954), «появление историзма было одной из величайших духовных революций, пережитых западно-европейской мыслью»⁴².

Принцип историзма означает рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей. В результате на общество удалось взглянуть как на нечто цельное и взаимосвязанное, а целостность позволяет глубже понять отдельные его элементы⁴³.

Новый подход к истории без преувеличения перевернул общественное сознание. И без того повышенный интерес к истории

⁴¹ Хотя само это понятие возникло несколько позже. В начале XIX в. говорили об органическом принципе отношения к истории.

⁴² Цит. по: Философия истории: Антология / под ред. Ю. А. Кимелева. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 15.

⁴³ Вот как, например, Ф. Гизо характеризовал различия в подходах между историками XVIII в. и той новой школой, к которой он причисляет себя. Он пишет: «Большая часть писателей, историков или публицистов старалась объяснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации политическими учреждениями данного общества. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества для того, чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде, чем стать причиной, учреждения являются следствиями; общество создает их прежде, чем начинает изменяться под их влиянием; и вместо того чтобы о состоянии народа судить по формам его правительства, надо прежде всего исследовать состояние народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство» (цит. по: Косминский 1963: 370).

в первой трети XIX в. стал еще более сильным, захватив не только философию, но и литературу и искусство, породив новые области общественнознания и т. д. Неудивительно, что историк Огюст Тьерри утверждал, что XIX в. будет веком истории, как XVIII был веком философии. Действительно, в XIX в. возникла научная историография, которая попыталась взять на себя функцию реконструкции прошлого.

Отход от идей Просвещения. Идеи просветителей во многом оказались не соответствующими недавнему историческому опыту, накопленному в ходе грандиозных социально-политических перемен, произошедших в течение вышеуказанных событий. Стало ясно, что:

1) роль рациональности и разума в истории оказалась резко преувеличенной⁴⁴. Общество не механическая сумма индивидов, а сложный организм, направления и возможности изменений в котором всегда идут в рамках исторических, географических и политических особенностей данного социума, степени подготовленности таких перемен. По-новому нужно взглянуть на причины смены политического строя, права, на то, какой строй является оптимальным.

2) Соответственно волевое преобразование общества имеет свой вполне обозримый предел, переход за который в конце концов ведет к откату назад, возврату к старым институтам⁴⁵.

3) Существующие институты, отношения и учреждения, какими бы неразумными с точки зрения рационального подхода они ни казались, нередко могут быть оправданы, поскольку опираются на определенные исторические реалии, а их изменение должно быть глубоко обоснованным⁴⁶.

4) Неисторичным было полное отрицание достижений предшествующих эпох, неспособность увидеть прогресс в тыся-

⁴⁴ Например, Гегель справедливо критиковал просветителей за их иллюзии, что можно немедленно прийти к царству гармонии, усвоив их просветительские идеалы; что они поверхностно и даже наивно представляли себе движение человечества к царству Разума.

⁴⁵ Стало ясно, что просветители сильно преувеличивали роль мудрых и просвещенных правителей и законодателей, которые на пустом месте могли, по их мнению, создать культурное общество. С другой стороны, новое органическое направление и их преемники стали занижать роль личности в истории (см. подробнее: Гринин 2010: 19–20).

⁴⁶ Недаром Гегель в своей знаменитой максиме утверждал, что не только все разумное действительно, но и все действительное разумно.

четлетнем периоде прошлого человечества, в частности в эпохе Средних веков, которую трактовали только как время упадка и невежества. Требовался и новый взгляд на исторические эпохи, каждая из которых необходима, ценна и готовит изменения для следующей.

5) Идея прогресса как поступательного развития разума, казалось, была полностью дискредитирована в свете фактов кровавого революционного террора, бойни наполеоновских войн, злобы Реставрации и реакции. Концепция прогресса, следовательно, требовала новых подходов.

И хотя вышеуказанные выводы о преемственности эпох и органическом развитии активно использовались для оправдания всякого рода консерватизма, они дали большой толчок для развития исторической мысли⁴⁷.

Преемственность во взглядах на историю между XVIII и первой половиной XIX в. Пересмотр вышеуказанных взглядов просветителей и поиск новых средств осмысления исторического прошлого стал толчком для перехода к новому типу историзма. Но прежде чем перейти к его описанию, стоит указать и линии преемственности между XVIII и XIX вв., поскольку между ними, несмотря на резкий идеологический поворот, все же существовала определенная преемственность в тематике, проблематике, а также в подходах⁴⁸. В частности:

1. Продолжают свое развитие английская и континентальная школы политэкономии, а важность этой науки возрастает⁴⁹.

⁴⁷ Например, что роль церкви и религии, аристократии и монархии должна быть переместрена в положительную сторону, а роль народных масс – в отрицательную.

⁴⁸ Кроме того, отдельные идеи получили новое звучание. Ряд идей XVIII в., например, о духе народов (см. ниже сн. 63), которые просветителями глубоко не разрабатывались, а также взгляды некоторых мыслителей, не получивших европейского признания (Вико, немецкие историки), в первые десятилетия XIX в. оказались очень востребованными. Но следует подчеркнуть и такую интересную мысль. Многие крупные проблемы, обозначенные просветителями, например роль географической среды, роль личности, критика религиозного сознания, сравнительно-исторический метод в изучении истории и культуры разных обществ, идеи единого исторического процесса и др., начинают активно разрабатываться уже ближе к середине XIX в. или даже во второй его половине, а то и позже.

⁴⁹ Экономические исследования приобретают все большую значимость, начинают во многом заменять философию в вопросах общественной справедливости, устройства общества, его функционирования, источника богатства и т. п. (недаром Маркс свое главное сочинение пишет именно в жанре политэкономии).

2. Исследования в экономической истории также продолжают-ся и становятся все более важными.

3. Проблемы наилучшего общественного и политического строя (монархии, демократии и т. п.), роли частной собственности, которым придавали огромное значение и в XVIII в., теперь стано-вятся еще более важными.

4. Несомненную преемственность с идеями просветителей (особенно Руссо) и социалистов-утопистов XVIII в. демонстрируют социалистические учения первой половины XIX в., в том числе и марксизм.

5. Продолжаются дискуссии, начатые в XVIII в., например о происхождении Франции, Германии, России и других стран (и на-родов), о лучшем государственном устройстве; развиваются иссле-дования роли географического фактора и т. д.

6. Было весьма немало последователей и продолжателей идей просветителей в других направлениях⁵⁰.

Романтизм и пересмотр отношения к истории. Историзм в начале XIX в. получил наибольшее развитие в таком философско-историческом движении, как романтизм.

Романтизмом называют довольно широкое и неоформленное течение в общественной мысли, историографии, художественной литературе и искусстве первых десятилетий XIX в., которое стремилось не столько искать в истории уроки для жизни, сколько увидеть исторический смысл в ней самой, в особенностях и духе каждой эпохи. Романтиков характеризовали пристальное внимание и огромный интерес к историческим деталям и колориту каждой эпохи⁵¹. Эта точность позволяла более или менее верно рекон-струировать прошлое. Каких-то строгих канонов романтизма не су-ществовало, это было как в идеологическом, так и в методологиче-ском плане довольно аморфное направление, к тому же идейно не-

⁵⁰ Например, активно развивала эти традиции гейдельбергская школа во главе с Ф. К. Шлоссером. Сам Шлоссер был последователем Вольтера и других просветителей. Шлоссер написал «Всемирную историю» (ее конспектировал К. Маркс) и «Историю XVIII столе-тия», а также намеревался создать историю человеческого рода.

⁵¹ Это легко понять, если вспомнить исторические романы Вальтера Скотта (или произ-ведения на историческую тему А. С. Пушкина), где каждая эпоха рисуется со множеством специфических и мастерски выписанных деталей. Правда, многие романтики злоупотребля-ли стилизацией жизни тех или иных периодов.

однородное. В частности, в нем условно выделяют консервативное и либеральное направления⁵².

Романтизм дал толчок для рождения нового типа историографии. В первой трети XIX в. также произошел решительный пересмотр методологических основ исторической науки. Среди целого ряда идеологов, сыгравших большую роль в выработке идейно-политической основы романтической консервативной историографии, можно, в частности, указать англичанина Э. Бёрка, французов-эмигрантов Ж. де Местра, Ф. Шатобриана, немцев Ф. Шлегеля, К. Л. Галлера, А. Мюллера. Идеи либерального романтизма выработали французские историки эпохи Реставрации (см. ниже).

Что было нового в подходах романтизма к истории:

1. Придание истории не подсобного, а самостоятельного значения: историю нужно изучать и развивать ради того, чтобы знать прошлое, не преследуя утилитарных целей⁵³.

2. Каждая эпоха имеет неповторимость, которая выражается комплексно: в языке, обычаях, быте, образе мыслей и т. п.

3. Введение в науку понятия органического (то есть определенного всем предшествующим ходом истории) развития⁵⁴.

4. Каждому народу присущ особый «национальный дух», относительно постоянный на протяжении всей истории. Историк и представитель культуры должны найти в национальной истории особые черты данного народа и все проявления этого «духа» в праве, обычаях, политических институтах, устном народном творчестве, языке и т. п.⁵⁵

⁵² Первое в большей или меньшей мере поддерживало и даже прославляло отжившие архаические отношения и институты, в частности привилегии аристократии и всякого рода отношения социальной зависимости, а также положение церкви, просто потому, что это было овящено длительностью их истории. В нем, по мнению Б. Кроче, доминировали две формы исторического изложения: ностальгическая и реставрационная (Кроче 1998: 160). Второе было настроено более прогрессивно и даже отчасти революционно, считая революции и классовую борьбу важнейшей частью исторического процесса.

⁵³ «Фундаментальной предпосылкой романтизма, – пишет Д. Тош, – является уважение к независимости прошлого» (Тош 2000: 16).

⁵⁴ Каждая эпоха необходима в историческом развитии, а отношения, нормы и институты появляются не волевым путем, а медленно вызревают в обществе. Такой взгляд привел к появлению историко-генетического метода, то есть метода поиска исторических корней явлений, исторической преемственности в развитии явлений, эпох и т. п.

⁵⁵ Это, в частности, способствовало записи, обработке и публикациям в гигантском объеме народных сказок, песен, поговорок и т. п. во многих европейских странах, включая Россию.

В философии истории романтизм выражался в представлении об историческом процессе как о разумном и закономерном поступательном развитии, где каждой эпохе отведено свое особое место, а современное состояние выступает как продукт медленного и длительного развития и одновременно как реализация изначально приущего каждому народу особого «духа»⁵⁶.

Национализм и национальные истории как знамение XIX в.

Негативное отношение к революции и восхваление аристократии, церкви, монархии как благородных и доблестных институтов, необходимых для общества, не могли бы стать основой переворота в историографии.

Подлинной основой для романтического пересмотра истории стали не консерватизм, а национализм и желание каждого народа иметь свою собственную, особую историю. Национализм превратился в наиболее адекватную идеологию для развития исторической науки. Неудивительно, что романтизм особенно активно расцвел в Германии, где стояла задача создания единого национального государства, а также и в России, где шел быстрый рост национального самосознания⁵⁷.

Наиболее позитивные идеи романтиков заключались в скрупулезном изучении исторических корней различных институтов (например, права), особенностей «народного духа», индивидуальных черт эпох и явлений. Все это дало программу развития на десятилетия.

Следствия:

1. Переход к национальным историям, соответственно падение интереса к всемирной истории⁵⁸.

⁵⁶ Тенденция Просвещения интересоваться лишь настоящим и самым непосредственным прошлым была преодолена, и все прошлое стало считаться заслуживающим изучения и рассматриваться как единое целое. Диапазон исторической мысли неизмеримо расширился, историки стали считать всю историю человечества единым процессом развития, начинающимся с периода дикости и завершающимся созданием рационального и цивилизованного общества (см.: Коллингвуд 1980: 86). Но поскольку историки интересуются прежде всего национальной историей, намечается разрыв между историей и философией истории, которого не было в эпоху Просвещения.

⁵⁷ Причем в Германии романтизм был по преимуществу консервативным (восхвалявшим прошлое), а во Франции, где продолжалась революционная эпоха, он стал либеральным.

⁵⁸ При этом главный интерес национальной истории начинает представлять именно история Средних веков, к которой так отрицательно относились историки эпохи Просвещения.

2. Повышение роли истории как важнейшей составной части идеологии национализма⁵⁹.

3. Расширение тематики историографии (народное творчество, история права и т. п.).

4. Отвержение идеи революции и крупных переворотов в истории. В этой же связи была пересмотрена и роль личности в истории. С одной стороны, личность ставилась в историческое окружение, что показывало ее реальные возможности. Но с другой – на длительные десятилетия зародилась тенденция преуменьшать роль личности, утверждая, что в результате закономерного развития общества при потребности в том или ином деятеле одна личность всегда заменит другую (см. подробнее: Гринин 2010: 20–21; Grinin 2010: 95–136).

5. Переоценка отношения к документам и фактам, резкое повышение их значимости в глазах не только историков, но и философов. Этот процесс шел постоянно в течение многих десятилетий XIX в., достигнув своего апогея в позитивизме.

Романтизм в Европе. Романтизм был распространен по всей Европе, включая Россию. Но наибольшее распространение идеи романтизма получили, как уже было сказано, в Германии, где они оказали огромное влияние на всю дальнейшую историографию XIX в.⁶⁰ Английская историография первой половины XIX в. развивалась менее бурно, чем немецкая, но также имеет выдающиеся имена в своем списке⁶¹. Но все же английская общественная мысль дала наиболее выдающиеся результаты в области политической экономики, что отражало передовой характер английской экономи-

⁵⁹ Национальная гордость часто не позволяла видеть в предках только варваров, она толкала к тому, чтобы найти в них истоки тех высоких качеств, которыми современные жители конкретных стран хотели бы обладать (или думали, что они обладают). О национализме как особой идеологии см.: Гринин, Л. Е. Философия, социология и теория истории. – М.: КомКнига, 2006. – С. 313–315.

⁶⁰ Истоки немецкого романтизма можно увидеть еще в конце XVIII в., в частности в творчестве Мёзера. Основная идея Мёзера заключается в том, чтобы связать прошедшее с настоящим не только в том смысле, чтобы искать в прошлом оправдания для настоящего, но также и в том отношении, что прошлое можно понять только из настоящего (см.: Косминский 1963: 267).

⁶¹ Особенно надо отметить Т. Б. Маколея (1800–1859), автора «Истории Англии от воцарения Якова II»; У. Коббета (1762–1835), автора «Истории протестантской реформации в Англии»; Т. Карлейля (1795–1881), в качестве историка исследовавшего Французскую революцию и чартизм. Но особенно Карлейль прославился своей работой о выдающихся личностях в истории – «Герои, почитание героев и героическое в истории».

ки. О французской историографии целесообразнее вести речь после изложения взглядов Сен-Симона.

Достижения немецкой историографии. В Германии в первой половине XIX в. сформировался ряд сильных школ, которые нельзя полностью отнести к романтизму, но на которые романтизм оказал сильное влияние, с ним они имели много общего. Немецкие историки внесли очень большой вклад в развитие критических методов работы историографии.

Историческая школа права сложилась в первой четверти XIX в., ее теоретические основы разрабатывались профессорами Берлинского университета Ф. К. Савиньи (1779–1861) и К. Ф. Эйхгорном (1781–1854). Эта школа придавала исключительное значение изучению исторических первоисточников и особое внимание уделяла их критике. Историки этой школы сделали много полезного в разных областях, особенно в области изучения обычного права, чем существенно углубили представления о начальных периодах истории. Однако ее основные идеи можно считать реакционными, направленными на оправдание действительности (что было вообще свойственно немецкой мысли в первые три-четыре десятилетия XIX в., мы увидим это и у Гегеля). В основе построений исторической школы права лежит понятие о «народном духе». Это понятие не является изобретением исторической школы⁶². Соответственно и основные законы страны медленно вызревают и создаются на протяжении веков. Отсюда у представителей исторической школы права повышенное внимание ко многим сторонам исторической действительности, включая и экономические изменения.

Ф. К. Савиньи был одним из крупнейших представителей этой школы. Он считает, что «народный дух» дан народу с самого начала и в дальнейшем совершаются лишь проявления этого «духа» народа, соответствующие отдельным ступеням его развития. Савиньи развивает идеи органического развития уже упомянутых Мёзера и Бёрка⁶³. Развитие права, по его мнению, проходит определен-

⁶² Оно заимствовано из предшествующей социологии, но в него вложено совершенно другое содержание. Еще Монтескьё в своем сочинении «О духе законов» говорил об отношении законов к «общему духу нации». Германские ученые уже в XVIII в. подхватили эту идею Монтескьё и говорили о «духе народа», или, точнее, о «национальном духе».

⁶³ В частности, Э. Бёрк отмечал, что конституция страны создается не каким-нибудь договором, а сотрудничеством многих поколений на протяжении веков. Решающую роль здесь играет не созидательная воля отдельного законодателя, а бесчисленные социальные силы,

ные возрасты – от детского до старости (идея, перекликающаяся с гегелевской).

Л. Ранке (1795–1886) считается одним из крупнейших историков первой половины XIX в. Творчество Ранке также в известной мере связано с романтическим направлением и исторической школой права. Однако его собственное влияние на историографию было велико, поэтому нередко говорят об исторической школе Ранке в Германии. Собрание сочинений Ранке составляет свыше пятидесяти томов, которые в основном посвящены политической истории стран Западной Европы XVI–XVII вв. Ранке полагал, что каждое государство стремится быть могущественным и это стремление ведет к войнам; в них историк видел «вечный закон существования» государств⁶⁴. Особое значение он придавал идее сильного государства, считал, что внешняя политика преобладает над внутренней. Ранке (как и его старший современник Ф. К. Шлоссер [1776–1861]) много сделал для разработки политической истории. Но он, по мнению Косминского, не оставил заметного следа в деле разработки методологических проблем исторической науки. Однако это не совсем так. Хотя Ранке не сделал так много для непосредственной разработки методов исторического исследования, как Нибур, но он внес важный вклад в общую идеологию методологии историографии (в том числе он фактически повлиял на складывание позитивизма в истории). Его подход хорошо выражается в наиболее известном выражении, что надо писать историю, как это было на самом деле (эти слова сделали девизом историков), то есть этот подход выражает идею уважения к фактам, поиска фактов и их накопления.

Исторической концепции Ранке был свойственен провиденциализм в истолковании исторического процесса (провиденциализм вообще возрождается в этот период, в том числе и в идеях Гегеля и гегельянцев, он присутствует у Гизо и др.). Как и многие другие, Ранке был идеалистом, в развитии общества считал решающей роль идей (прежде всего религиозных).

действующие в течение длительного периода. Конституция того или другого государства – это одежда, приспособленная к телу (см.: Косминский 1963: 277).

⁶⁴ Неудивительно, что он является одним из тех историков, идеи которых впоследствии повлияли на формирование геополитики.

источников по истории античности и Средних веков, являющихся во многом образцовыми. Руководствовавшиеся теоретико-методологическими принципами романтизма знаменитые братья Якоб и Вильгельм Гримм проделали огромную работу по изучению истории германских языков, мифологии, фольклора, обычного права. В области филологии мертвых языков громадный шаг вперед был сделан благодаря находке знаменитого Розеттского камня в Египте во время экспедиции Наполеона, что позволило Ж.-Ф. Шампольону продвинуться по пути расшифровки древнеегипетского языка.

Бурно развивалась археология, в частности археологически был открыт древнекаменный век (палеолит). Археология сделала свои первые шаги в подчиненной тогда Турции Греции и на Ближнем Востоке, в том числе в Междуречье, хотя наиболее знаменитые открытия приходится на вторую половину века⁶⁶.

ФИЛОСОФСКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ

Философские и социальные идеи первой половины XIX в. слишком разнообразны, чтобы их можно было объединить в какое-то одно направление (как это было с Просвещением в предыдущем веке, хотя, конечно, оно было далеко не единственным). В одном из аспектов и очень схематично подходы, касающиеся философии и теории истории, можно было бы разделить на философско-теологическое и философско-научное (то есть исходящее полностью или в основном из *нетеологических* оснований) направления. Первое направление в настоящем очерке показано на примере взглядов Гегеля, второе – на взглядах Сен-Симона и Конта.

ГЕГЕЛЬ

Общие пояснения. Философские взгляды Гегеля на историю наиболее систематично изложены в его «Философии истории». Это, бесспорно, очень крупная и во многом революционная работа. Но, оценивая ее, следует учитывать, что главная заслуга Гегеля не в тех или иных идеях, предшественников которых можно найти, а в громадном синтезе, новом объяснении и диалектическом философ-

⁶⁶ Однако открытие англичанином О. Лэйярдом знаменитой Ниневии приходится как раз на середину века (1849 г.). См.: Косидовский, З. Когда солнце было богом. – М.: Наука, 1991. – С. 33–36.

ском методе, который позволил придать историческому процессу новое измерение⁶⁷. Философско-историческая доктрина Гегеля весьма сложна, а идеалистические или провиденциалистские аспекты непросто отделить от историко-содержательной стороны концепции. Отсюда крайне сложно дать краткий и доступный пересказ, а тем более анализ, его концепции без тех или иных неизбежных упрощений или искажений.

Ключевые пункты вклада Гегеля в развитие философии истории:

1. Органичный синтез различных ценных подходов философии и теории истории (особенно идеи прогресса и органичности исторического процесса и каждой ее эпохи) и достижений современной ему историографии.

2. Применение диалектического метода (борьбы противоположностей, перехода количества в качество и др.) к историческому процессу.

3. Создание философии истории подлинно всемирно-исторического процесса.

4. Развитие теории внутренних движущих сил (история как саморазвитие).

5. Формулирование закономерного характера развития исторического процесса (его «разумности»⁶⁸), в котором каждая историческая эпоха является необходимым этапом исторического процесса, а весь процесс есть развитие представлений о свободе.

6. Аргументация коренных отличий природного и исторического процесса⁶⁹.

Слабые стороны философии истории Гегеля:

1. Провиденциализм (история развивается не в результате жизнедеятельности общества или взаимодействия общества и природы, а из деятельности некоего абсолютного духа, отделенной от общества абсолютной идеи).

⁶⁷ С другой стороны, можно согласиться с В. И. Лениным, что именно в философии истории Гегель наиболее устарел (Ленин, В. И. Соч. – Т. 38. – С. 310).

⁶⁸ По мнению Гегеля, единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая идея, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно.

⁶⁹ Рационалисты, как мы помним, считали, что они во многом или даже в основном однопипны (см. лекцию 7).

2. Телеологичность (цель исторического процесса уже заранее известна) и фактическая финальность истории (саморазвитие абсолюта как бы заканчивается развитием современного Гегелю Прусского государства).

3. Преуменьшение роли сознательной деятельности людей, роли личности, случайностей, альтернативности и многолинейности развития исторического процесса.

4. Преувеличение роли идеального фактора и соответственно занижение материальных факторов.

5. Утверждение Гегеля, что мировая история достигла своего итога в современной ему эпохе, противоречило принципу историзма и не соответствовало реальности.

Глобальный синтез. Гениальность Гегеля проявилась уже в том, что в своей доктрине философии истории он сумел органично синтезировать целый ряд довольно-таки противоречивых подходов и концепций, так что в итоге получился новый уровень понимания истории. Обычно подчеркивают, что в своей картине развития человеческого общества Гегель объединил идею всемирно-исторического прогресса просветителей и принцип «органического развития» романтиков. Однако в концепции Гегеля кроме этого можно легко обнаружить множество других идей, концепций, терминов, хотя, конечно, так или иначе трансформированных для его общей концепции⁷⁰.

Новый диалектический метод. Принципиально новым, что Гегель внес в концепцию всемирно-исторического процесса, был диалектический принцип развития. Историческое развитие предстало как борьба противоположных начал. Выделив в качестве основного закона самодвижения единство и борьбу противоположностей, Гегель показал, каким образом объединяются и «примиряются», казалось бы, абсолютно противоположные характеристики. *Это существенно обогатило методологию философско-исторического исследования.* В самом деле, прогресс обычно сочетается

⁷⁰ Например, свободы как высшей ценности; возрастов человечества (Руссо); особой роли государства (немецкие историки и философы, например Шлёцер); идей противоположности Востока и Запада; народного духа романтиков, наконец, массу идей теологии истории начиная от Евсевия и Августина (от понимания движущих сил и роли личности в истории до цепочки всемирных империй – исторических народов, финализма и разумности исторических событий, определяемых высшей волей), см. лекцию 3.

с регрессом. Так, результатом войны становились одновременно создание империи и разрушение государств; новой религии – подъем новой и уничтожение старой культуры и т. п. Этого не могли не заметить многие просветители (например, возникновение частной собственности, согласно взгляду Руссо, стало орудием эксплуатации), но они видели в этом в основном аномалию. Закон единства и борьбы противоположностей во многом снимал эти кажущиеся противоречия. Точно так же закон перехода количества в качество объяснял непонятные рывки и скачки, которые начинались при, казалось бы, спокойном течении истории. Диалектический метод также показал возможность формулировки ряда важных закономерностей человеческой истории, например **отклонения результата от цели**: люди, руководствуясь своими субъективными интересами, осуществляют вместе с тем «...нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»⁷¹.

Движущая сила исторического процесса. История как внутреннее саморазвитие. Прогресс. Таким образом, в концепции Гегеля противоречия исторического процесса выступали не как отклонения от рациональности, а как его сущность и движущая сила. В этом Гегель сделал огромный шаг вперед, обнаружив внутренние источники развития, причем источники постоянные. Его заслуга в том, что он показал: историческое развитие необходимо понимать как саморазвитие, как движение, происходящее по внутренним законам. Общество органически и закономерно развивается, причем «развитие является движением вперед от несовершенного к более совершенному» (прогресс). Несовершенство прошлой эпохи «содержит в себе свою собственную противоположность», совершенство будущей эпохи – в зародыше, в стремлении. Поэтому оценку несовершенного прошлого просветителями Гегель признавал поверхностной и наивной.

Прогресс истории представлен Гегелем как прогресс сознания свободы. Но он связывает этот рост со ступенями саморазвития

⁷¹ Гегель, Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. – Т. VIII. Философия истории. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – С. 27. Эта проблема, как мы помним, стояла и перед античной мыслью, и перед теологией истории: первая объясняла расхождения вмешательством богов или случайностями, вторая – природной слепотой людей, которые не могут знать замыслов Бога, использующих их в своих целях (см. лекции 2 и 3).

мирового духа. На Древнем Востоке человек был полностью подчинен политическому и религиозному деспотизму. Общество там составляет бесправную массу, а свободен был только один человек – монарх. В Греции и Риме «мировой дух» уже осознал свою свободу, но еще не вполне, здесь есть рабы, а свободны были лишь некоторые люди. Полной свободы «мировой дух» достигает, по мнению Гегеля, в германской Европе, особенно после Реформации.

Ход исторического процесса по Гегелю. Поскольку в развитии исторического процесса, согласно Гегелю, необходимым образом обнаруживалось саморазвитие мирового духа, неизбежным был вывод о том, что движение всемирной истории не может не быть разумным (а сам ее ход полностью приравнивался к саморазвитию мирового духа).

а) Гегель выделял определенные ступени саморазвития мирового духа и соответственно закономерные этапы мировой истории. Носителем абсолютного духа в истории являлись несколько избранных (исторических) народов. Но этот дух проявлялся в них не одновременно, а последовательно⁷². «Всемирная история, – писал Гегель, – направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия – ее начало».

б) Каждой ступени соответствовал подъем определенного «исторического» народа, в истории которого и выражается главный прогресс данной эпохи⁷³. Гегель связывает развитие исторических народов с популярной в романтизме идеей об особом народном духе, выражающем все конкретные стороны его сознания в общественных и государственных институтах и учреждениях.

⁷² «В ней (всемирной истории. – Л. Г.) тот необходимый момент мирового духа, который есть в данное время его ступень, получает свое абсолютное право, и живущий в этом моменте народ и его дела получают свое исполнение, и счастье, и славу» (Гегель, Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. – Т. VII. Философия права. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1934. – С. 355). Гегель (хотя и в мистическом виде) сумел увидеть очень важную диалектику мирового исторического процесса: можно синтезировать определенную ведущую линию развития этого процесса, которая условно складывается из достижений наиболее проявивших себя обществ. Эти достижения, взаимодействуя, обогащаясь и распространяясь, становятся достоянием многих обществ. Тем самым идет общее развитие человечества, в целом переход исторического процесса на новую стадию развития. О ведущей линии исторического процесса см.: Гринин 2006.

⁷³ Гегель трансформирует давнюю идею о богоизбранных народах и так называемых четырех мировых империях, которая была теологически сформулирована еще Иеронимом в конце IV – начале V в. н. э. (см. лекцию 3).

в) Ход исторического процесса, по Гегелю, был следующим. «Мировой дух» прошел детский возраст в истории Древнего Востока (в Передней Азии и Египте). Прекрасную юность он прожил в Греции, а зрелость «мирового духа» прошла в Риме. Наконец, в германско-христианском мире он обретает, правда, еще бодрую, старость. Эта старость может протянуться очень долго⁷⁴.

г) Итак, поскольку «мировой дух» достиг в современной Гегелю Германии высших ступеней своего развития, то и завершением истории самопознания «мирового духа» Гегель считал свою эпоху. Именно в этот период и именно в гегелевской философской системе «мировой дух» окончательно должен познать самого себя и свою свободу и тем самым осуществить цель своего развития. В осознании свободы Гегель и видел заключительный этап истории человечества. В этом особого рода финализме, который никоим образом не отвечал динамизму современной Гегелю эпохи, наглядно обнаруживаются слабые стороны гегелевской концепции, что, конечно, никак не умаляет его заслуг.

Итоги. Несмотря на идеализм и теологичность концепции, Гегелю, с одной стороны, удалось уйти от примитивного взгляда на исторический процесс, характерный для просветителей (которые видели в нем большей частью пустые эпохи, наполненные невежеством и суевериями), и избежать неправомерного отказа от идеи всемирной истории (провозглашения ценности только национальных историй) романтической историографией – с другой. *Впервые философия истории смогла на основе современных ей исторических данных без обращения к библейской мифологии создать картину всемирно-исторического процесса и прогресса, объясняющую причины смены его этапов.*

Неудивительно, что глубина и фундаментальность философских построений Гегеля привели к их широкому распространению во всех европейских странах. Но, разумеется, идеалистическое объяснение исторического процесса Гегелем не смогло долго удовлетворять философию истории. Она начала искать новые движущие силы и законы развития. Однако многие достижения Гегеля в том или ином виде сохранялись.

⁷⁴ Тут легко узнается идея возрастов человечества Руссо.

ФРАНЦУЗСКАЯ МЫСЛЬ

Если немецкие ученые под влиянием объективной задачи создания единого германского государства более всего интересовались политико-правовыми аспектами, а также поиском истоков немецкого национального духа, то французские философы осмысливали произошедшие в результате Великой французской революции изменения. Они также чувствовали, что в стране назревают новые революционные события. Поэтому они сосредоточивались на социально-политических аспектах действительности, что отразилось и на общем представлении о ходе исторического процесса и его движущих силах.

А. Сен-Симон (1760–1825) принадлежал к лагерю социалистов-утопистов, он также оставил очень заметный след в философии истории. В его взглядах далеко не все логично и непротиворечиво⁷⁵, однако многие его идеи оказали огромное влияние на целую плеяду историков и философов, а также стали одной из составных частей марксистского учения. На мировоззрение самого Сен-Симона оказали особое влияние Французская революция и промышленный переворот, который полным ходом шел в Англии и начинался во Франции.

Основные идеи философии истории Сен-Симона⁷⁶:

1) Развитие идей прогресса и поступательного развития исторического процесса. Сен-Симон показывает не абсолютность, а относительность прогресса⁷⁷, то есть более высокая эпоха превосходит предыдущую не во всем, а только в некоторых важных моментах, а в чем-то может и уступать ей. Основные критерии прогресса, по Сен-Симону, – степень эксплуатации (и личной свободы) основного производителя и как следствие – уровень производительности его труда (так, труд крепостного более производителен,

⁷⁵ Он постоянно находился в поиске, поэтому его ранние взгляды могли сильно расходиться с поздними, одни идеи не совпадали с другими.

⁷⁶ Следует учитывать, что сам философ далеко не всегда излагает свои идеи системно и непротиворечиво, что это только некое суммирование и в какой-то мере модификация его взглядов, в различных случаях он делает разные выводы и акценты.

⁷⁷ Хотя его понимание не всегда соответствует исторической реальности, например рабство, по его мнению, более прогрессивно, поскольку избавляет пленников от смерти. Последнее утверждение было плодом спекулятивных рассуждений и не опиралось на конкретные факты.

чем труд раба; труд наемного рабочего производительнее крепостного).

2) Противоречивость и неравномерность исторического процесса, приводящие к закономерной смене всех социальных и государственных форм. Сен-Симон представляет ритм исторического процесса в виде смены так называемых «положительных», или «органических», эпох «критическими» эпохами. Иными словами, исторический процесс, согласно Сен-Симону, осуществляется в виде поступательного движения, нарушаемого резкими кризисами. Эти кризисы наступают тогда, когда возникает противоречие между реальным соотношением социальных сил в обществе и формой его политической организации⁷⁸. Это коренным образом отличает его представления от взглядов романтиков, которые делали упор только на медленное (органическое) развитие, и в определенной мере сближает с диалектическим законом перехода количества в качество Гегеля.

3) Стадиальность. Сен-Симон в этом отношении идет намного дальше Гегеля (или тем более Савиньи) и рассматривает исторический процесс уже не только как цепь исторических народов или особых возрастов, но и как смену определенных стадий общественного развития⁷⁹. О выделяемых им стадиях и его периодизации истории будет сказано дальше⁸⁰.

⁷⁸ Здесь можно увидеть истоки идеи Маркса о смене способов производства в результате социальных революций.

⁷⁹ По сути, именно с Сен-Симона начинается развитие исследования исторического процесса как стадиального (об истории стадиальных взглядов см.: Илюшечкин 1996). Это важная идея, поскольку она позволяет рассматривать исторический процесс именно как всемирно-исторический путь, по которому идут все народы. Но, к сожалению, неправомерная методика предписывала рассматривать путь одних обществ по аналогии с путем других. А это приводит к ошибочному убеждению, что все народы развиваются совершенно одинаково (о соотношении всемирного исторического процесса и истории отдельных стран см.: Гринин 2006: 34–37).

⁸⁰ Не следует учитывать, что во многом это были разрозненные и не всегда совместимые идеи, которые – как это часто бывает у крупных мыслителей – поддавались различному истолкованию и породили разные направления мысли. Вскоре после смерти А. Сен-Симона его разрозненные высказывания по проблемам стадийного развития общества были не только приведены в соответствующую систему, но и развиты и дополнены в ряде направлений его учениками и последователями в книге «Изложение учения Сен-Симона». Она представляла собой обработанную запись публичных лекций, которые были прочитаны в 1828–1829 гг. С. А. Базаром и коллективно отредактированы группой идейных руководителей сенсимонистского движения (см.: Илюшечкин 1996).

4) Анализ отношений собственности. Общественно-политическое устройство общества Сен-Симон считал зависящим от отношений собственности, постепенные изменения которых приводили к смене стадий истории и в конце концов должны неизбежно привести к социалистической организации общества. Общественно-политические институты каждой стадии зависят от отношений собственности⁸¹.

5) Новый взгляд на движущие силы исторического процесса. Наряду с прогрессом разума и морали важное значение он придавал экономическому развитию и классовой борьбе, а также рассматривал критические эпохи (фактически революции и общественные переломы) как важнейший фактор развития.

6) Идея о классовой борьбе как основном содержании если не всей истории, то по крайней мере истории Европы периода после Крестовых походов. Эта идея Сен-Симона была развита французскими историками (см. ниже).

7) Идея индустриализма. Сен-Симон обосновывал крайне важную для того времени мысль, что будущее – за классом индустриалов. Таким образом, он выступает предтечей идей промышленной революции.

О. Конт (1798–1857) был одно время секретарем Сен-Симона и развивал некоторые его идеи. Главной его заслугой является обоснование и создание новой положительной (позитивной) философии и введение названия для новой науки об обществе – **социологии**. Конт считается основателем социологии как науки⁸². Основные историко-социологические идеи О. Конта были изложены им в «Курсе позитивной философии» и «Системе позитивной политики». Взгляды Конта были определенной реакцией на позицию романтизма и родственных ему исторических школ, представители которых увлеклись собиранием фактов и подготовкой к изданию исторических документов. Объем этих материалов рос в геометрической прогрессии, однако адекватных им открытий законов общества не происходило. Поэтому Конт настаивал на том, что истори-

⁸¹ Тут невозможно не увидеть истоки марксистского взгляда.

⁸² Однако все же его заслуги в этом отношении сводились скорее к провозглашению задачи создания всеобъемлющей науки об обществе, формулирования термина и определенных принципов. Социология Конта является скорее философией.

ческие факты должны использоваться в качестве исходного сырья для открытия законов социальной жизни. Для решения этой задачи он и предложил создать новую науку – *социологию*, которая должна начаться с открытия фактов о жизни человека, а затем перейти к поиску причинных связей между этими фактами. Социолог тем самым должен был поднять историю до ранга науки и обобщить в научные законы те же самые факты, которые добывает историк.

По-настоящему социология в качестве реальной науки со своей собственной методологией сложилась только в XX в., однако позитивная философия Конта послужила важным идеологическим стимулом для развития нового направления историографии – позитивизма (см. ниже).

Новые периодизации истории Сен-Симона и Конта. Сен-Симон и Конт предлагают новые подходы к периодизации, хотя и исходят из разных оснований и критериев. Но важно, что и та и другая являются уже действительно научными периодизациями, обе сыграли важную роль в дальнейшем развитии теории исторического процесса. Общим являлось также то, что обе периодизации были: а) так или иначе связанными с трехчленной периодизацией Келлера (древность, Средние века и Новое время – см. лекцию 7); б) европоцентричными (то есть не могли быть впоследствии распространены без искажений на восточные и иные общества).

Сен-Симон исходил из идеи прогресса как последовательного уменьшения эксплуатации основного производителя (роста степени его свободы) и изменения форм собственности. Он переосмыслил понятия «рабовладение» и «феодализм» в определенные стадии развития. Его схема периодизации стадий исторического развития состояла из: 1) первобытной догосударственной стадии; 2) рабовладельческой античности (греко-римская стадия); 3) крепостнического феодализма (средневековая стадия); 4) «промышленного общества» (современная стадия)⁸³. Эта периодизация с некоторыми изменениями была фактически заимствована марксизмом и вошла как основная часть в пятичленную периодизацию последнего.

Вслед за Ж. Кондорсе и А. Сен-Симоном Конт также считал основной и главной причиной исторического развития общества

⁸³ «Религиозный ряд» точно так же представлен в произведениях А. Сен-Симона четырьмя последовательными ступенями прогресса: фетишизма, многобожия, единобожия и «нового христианства». У него, правда, встречаются и иные периодизации.

прогресс разума. Поэтому в своей периодизации он исходит из сформулированного им «великого закона трех фазисов развития знаний – религиозного, метафизического и позитивного»⁸⁴. Соответственно этому закону всю историю он делит на три стадии цивилизации: религиозную, метафизическую и научную, характер которых совершенно различен как в светском, так и в духовном отношениях. Этот закон, согласно Конт, предполагает, что любая область знания должна пройти последовательно три различных теоретических состояния: 1) теологическое, или фиктивное; 2) метафизическое, или абстрактное; 3) научное, или позитивное. С указанным законом трех состояний Конт комбинирует другой свой закон – смены эпох гармонии и эпох кризиса (Виппер 1908: 170).

ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИКИ

Либеральная историческая школа. В течение 1810–1820-х гг. сформировалась знаменитая либеральная историческая школа эпохи Реставрации, представленная *О. Тьерри* (1795–1856), *Ф. Гизо* (1787–1874), *Ф. Минье* (1796–1884), *А. Тьером* (1797–1877), одной из главных заслуг которых были исследования истории третьего сословия в Средние века (Тьерри, Гизо), а также Английской (Гизо) и Французской революций (Минье, Тьер). С одной стороны, они в ряде моментов продолжали традиции просветителей, поэтому восприняли их антифеодальный дух, идеи прогрессивного развития и исторический оптимизм, но с другой – в целом они относились к романтизму и рассматривали исторический процесс как органическое развитие. Сходными с другими романтиками выглядят их представления о решающей движущей силе истории. В частности, согласно Гизо, такой силой, которая ведет общество по трудному пути прогресса, является Провидение, хотя под последним историк нередко имеет в виду объективные законы общества⁸⁵.

В своих работах они стремились выявить исторические корни важнейших этапов французской истории и современного состояния

⁸⁴ Некоторые параллели этой идеи можно найти в работах А. Р. Тюрго и А. Сен-Симона.

⁸⁵ По мнению Шапиро (1993: 344), тут Гизо приблизился в трактовке глубоких причин исторического развития и прогресса к взглядам И. Г. Гердера, трудами которого романтики очень интересовались и даже переводили их на французский язык.

общества, в том числе они много сделали для того, чтобы показать, как в Средние века возникли и развивались юридические и политические учреждения, соответствующие интересам буржуазии и либеральных слоев, а также и развитие самой буржуазии.

Идея классовой борьбы. Развитие социальной истории.

Вслед за Сен-Симоном представители этой школы выдвигают на первый план социальную историю. Особенно важной оказалась идея Сен-Симона о классовой борьбе. Естественно, что в изображении либеральных историков присутствовала прежде всего классовая борьба в феодальном обществе, которая понималась ими как борьба третьего сословия во главе с зарождающейся буржуазией против феодальной аристократии. Эта борьба нашла свое завершение в переходе политической власти к буржуазии в результате революций. Классовую борьбу в современном им обществе – между рабочими и буржуазией (скоро проявившуюся в открытых и даже кровавых столкновениях) – они либо не замечали, либо считали ее нарушением нормального, естественного порядка. Кроме того, представления о классах и происхождении последних у них еще были довольно примитивными и неполными. Кроме того, они порой отождествляли борьбу классов с борьбой этносов. Например, О. Тьерри считал, что классы появляются как результат завоевания и борьбы рас, то есть разных народов. Так, потомки завоевателей-франков во Франции превратились в привилегированные сословия дворян и духовенства, а потомки завоеванных галло-римлян – в классы зависимых земледельцев и буржуазии (аналогично в Англии завоеватели-норманны, то есть французы, стали эксплуатирующим классом, а потомки завоеванных англосаксов – эксплуатируемым). Однако, несмотря на все эти недостатки, разработка теории классовой борьбы стала важным шагом, способствующим углублению понимания одного из ведущих аспектов социальной жизни. Ведь еще античные историки описывали эпизоды социально-классовой борьбы и анализировали их причины, но до Тьерри и Гизо ее значение в истории в таком ясном виде никто не определял. Соответственно классовая борьба рассматривалась ими как важнейшая движущая сила развития.

Разработка конкретной истории Франции и Англии как истории классовой борьбы привела к расширению источниковедческой базы исторических исследований, появлению многочисленных публикаций по социально-политической истории.

Развитие понятия феодализма. Гизо в «Истории цивилизации во Франции» дал определение трех важных признаков феодализма: первый из них – социальный, два других – политические: 1) условный характер земельной собственности⁸⁶; 2) слияние государственной власти с земельной собственностью (феодал был не только земельным собственником, но и правителем для тех, кто сидел на его земле); 3) установление иерархии среди земельных владельцев (феодалная лестница), поскольку в феодальном обществе существовали договорные отношения между сеньорами и вассалами. Эти характеристики Гизо развивали понимание феодального строя и неслучайно получили широкое распространение как во Франции, так и в других странах, в том числе среди русских историков. Отметим, что по поводу определения главных черт феодализма дискуссии продолжаются и сегодня.

Позитивистское направление в историографии. Как уже сказано, под воздействием философии позитивизма О. Конта сформировалось новое направление историографии, которое получило название позитивистского (оно развивалось и всю вторую половину XIX в., и только в самом его конце и в начале XX в. стало испытывать собственные методологические трудности). Историки этого направления поставили задачу установить все факты, где это только возможно⁸⁷. В результате в позитивизме доходит до своего апогея развитие нового отношения к документам и фактам, которое стало уже вполне очевидным в первые десятилетия у романтиков, исторической школы права и т. д.:

1. Разработка новых, более тонких научных критических методов работы с документами и источниками.
2. Придание историческому факту статуса наиболее важного элемента исторического исследования. Характерно строгое отношение к фактам, искажение фактов рассматривается как грубое нарушение профессиональной этики.
3. Повышение значимости исторического документа. Формирование представления о том, что историк может реконструировать историю только в рамках того, что позволяет надежный письменный источник (или иной материальный источник фактов).

⁸⁶ Гизо считал его важнейшим, но сегодня не все согласны, что он существует.

⁸⁷ Лучшие историки этого времени, такие как Моммзен и Мейтленд, стали величайшими знаками исторической детали. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала (Коллингвуд 1980: 123).

4. Громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников⁸⁸.

Однако положительные моменты сочетались и с другими, не столь однозначно позитивными, они были в чем-то неизбежными, но имели и заметный негативный эффект:

1. Сугубая профессионализация историков и разрыв между ними и обычными образованными людьми, неспособными самостоятельно разобраться в большом объеме материала⁸⁹.

2. Поиск фактов ради фактов, а не ради их обобщения на высоком уровне. Высшая цель позитивной философии – построение всеобщей истории – не особенно интересовала самих историков, увлеченных открывшимся полем деятельности. Но философы и мыслители оказывались разочарованными, так как позитивистская история не давала базы для философских обобщений.

3. Потеря интереса среди историков к крупным обобщениям, отсюда нередкая теоретическая беспомощность в решении крупномасштабных проблем в комбинации с беспрецедентным мастерством в решении маломасштабных проблем.

4. С развитием позитивизма история как познание индивидуальных фактов постепенно отделилась от науки как познания общих законов, став автономной областью исследований.

Русские историки и мыслители первой половины XIX в. В России историческая и общественно-политическая мысль в этот период сделала колоссальный рывок, поднявшись на почти равный европейскому уровень. Особенно это касается вопросов литературы и литературной критики, в которой в тот период отражались наиболее передовые и общественно острые моменты. В первые три десятилетия XIX в. в России создается художественная историческая литература как романтического, так и реалистического направления, в первую очередь здесь надо указать исторические про-

⁸⁸ Это была эпоха, обогатившая историю громадными коллекциями тщательно просеянного материала, такого как календари королевских рескриптов и патентов, своды латинских надписей, новые издания исторических текстов и документов всякого рода.

⁸⁹ Как пишет Коллингвуд (1980: 123), образованный человек стал уставать от этой лавины фактов и уже не видел большой разницы в том, открыт данный факт или нет.

изведения А. С. Пушкина⁹⁰. Самым крупным и без преувеличения выдающимся представителем литературной критики был В. Г. Белинский, которой в своих статьях часто поднимал также проблемы всемирной и российской истории. Но все же русская мысль оставалась еще на позициях, когда она в основном заимствовала идеи с Запада, трансформируя их к русской истории и действительности. Кроме того, мировые проблемы интересовали ее в гораздо меньшей степени, а главным был вопрос об особенностях и путях развития России. Наиболее оригинальные идеи российской мысли появились именно в процессе дискуссий вокруг этой проблемы (то есть при сравнении России и Запада⁹¹). Здесь стоит упомянуть П. Я. Чаадаева, одного из самых оригинальных (как по образу мысли, так и по образу жизни) русских мыслителей, «Философические письма» которого наделали много шума в обществе и до сих пор являются предметом споров⁹².

Успехи русской историографии. В начале XIX в. в России развивалась новая романтическая историография, одновременно более научная, чем прежде, но не менее идеологизированная. Наиболее выдающимся трудом была 12-томная «История государства Российского» писателя Н. М. Карамзина (1766–1826). Она написана прекрасным литературным слогом, образы князей и царей даны очень ярко, а события узловых эпизодов истории читаются как драматические произведения. Этот труд надолго стал важнейшим источником сведений об отечественной истории для образованных людей и любимым чтением для многих. В основе истории Карамзина лежала трансформированная на русский лад популярная в Европе консервативная романтическая концепция о преимуществах монархии и достоинствах аристократии. Карамзин доказывал пре-

⁹⁰ Пушкин также работал и как чистый историк, создав великолепное произведение «История Пугачевского бунта».

⁹¹ Эта тема и в течение последующих десятилетий оставалась ведущей в русской философии и социологии, достаточно упомянуть хотя бы работу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

⁹² Напомним, что главной в этих письмах (особенно в самом знаменитом – первом письме), была мысль о том, что Россия, по мнению Чаадаева, является пародией на Запад, не будучи в состоянии реально овладеть западной культурой. Но больше всего негодования вызвало заявление Чаадаева, что православие, которым особенно гордились русские патриоты, виновато в том, что Россия отстала, что было бы лучше для нее, если бы она была католической (анализ взглядов Чаадаева см.: Алпатов 1985: гл. V).

имущества абсолютной монархии для России. Он считал, что процветание и могущество страны имело место только при сильной центральной власти (и был тут, безусловно, прав). При этом, правда, он модернизировал историю, относя к самодержавию строй Киевской Руси при первых князьях. Роль самодержавия в России действительно была исключительно важной, но в XIX в. такая позиция оказывалась все-таки повернутой лицом назад, а не вперед. И это сделало в итоге труд Карамзина охранительным и консервативным.

Историк и публицист М. П. Погодин (1800–1875) в лекциях, прочитанных в 1832 г. в Московском университете, обосновывал идеи особого пути Российского государства. Отталкиваясь от выводов Тьерри и Гизо о том, что необходимость социально-политической борьбы во Франции была вызвана германским завоеванием, Погодин доказывал, что подобная борьба не может иметь место в России. Историк исходил из коренного, по его мнению, отличия начала истории России от истории Франции. История Руси началась не с завоевания, а с мирного призвания правителей-варягов. Оно открыло дорогу «единению царя с народом», патриархальным гармоничным отношениям между помещиками и крестьянами.

Т. Н. Грановский (1813–1855) был одним из основателей русской школы всеобщей истории, заслугой которой было уже то, что впервые российские историки на научном уровне и вполне самостоятельно писали об истории европейских стран (до этого историография России работала только с русской тематикой). Творчество Грановского представлено в основном в его лекциях, публичных чтениях и университетских курсах.

Славянофилы и западники. В 30–40-е гг. XIX в. российские писатели, мыслители и историки так или иначе были вовлечены в идеологические споры о путях развития России, об оценке значимости петровских преобразований, отношениях России с государствами Европы. Характерно, что все стороны использовали современные европейские идеи. Историки, литераторы, философы, относившие себя к **славянофилам** – А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, – развивали идеи самобытности России. Они считали роковыми для страны реформы Петра I, неприемлемым для нее пример Европы, которая начинает

«загнивать» и уже погрязла в социальной вражде⁹³. Особенностью русского пути они считали православие и русскую общину как носителя высшего социального (коллективного) начала. Сторонники этого течения стремились изучать быт, характер народа, его нравы и обычаи.

Противоположные взгляды отстаивали западники-либералы: литераторы и публицисты Н. В. Станкевич, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, историки Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. Западники считали, что Россия пойдет тем же путем, что и Европа, а для преодоления ее отсталости необходимо обратиться к западным образцам государственного управления, устройства социальной и экономической жизни.

Либерально-революционные взгляды представлены в произведениях декабристов, молодого Пушкина, Белинского, Герцена, Бакунина. Эти авторы считали необходимым установить политические свободы, отменить крепостное право, ограничить (или даже отменить) самодержавие. В отличие от просветителей они уже не рассчитывают на просвещенного правителя, а считают революцию лучшим исходом для России. Но в тот период эти взгляды еще не представляют достаточно развернутых публицистических и философских концепций, а находят место только в отдельных художественных (часто поэтических) произведениях, в виде намеков эзоповым языком или неподцензурных тайных документов (каковыми, например, выступают «Конституция» Муравьева или «Русская правда» Пестеля).

Таблица 2

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Автор	Даты	Страна	Название произведения
1	2	3	4
Томас Карлейль	1795–1881	Англия	«Французская революция»

⁹³ В том числе славянофилы считали, что крепостное право было результатом неправильных реформ XVIII в., поэтому стояли за его ограничение. Они также высказывали мысль, что необходимо ограничить самодержавие, поскольку для допетровской России для царя было характерно опираться на мнение народа (Земские соборы). Таким образом, в ряде важных вопросов славянофилы и западники фактически были довольно близки.

Окончание табл.

1	2	3	4
Томас Бабингтон Маколей	1800–1859	Англия	«История Англии от воцарения Якова II»
Георг Вильгельм Фридрих Гегель	1770–1831	Германия	«Философия истории»
Бартольд Георг Нибур	1776–1831	Германия	«Римская история»
Леопольд фон Ранке	1795–1886	Германия	«Немецкая история в эпоху реформации»
Фридрих Карл фон Савиньи	1779–1861	Германия	«История римского права в средние века»
Франсуа Пьер Гийом Гизо	1787–1874	Франция	«История цивилизации во Франции»
Огюст Конт	1798–1857	Франция	«Курс позитивной философии», «Система позитивной политики»
Клод Анри Сен-Симон	1760–1825	Франция	«Новое христианство»
Тимофей Николаевич Грановский	1813–1855	Россия	Курс лекций по Новой истории 1849/1850 гг.
Николай Михайлович Карамзин	1766–1826	Россия	«История государства Российского»
Михаил Петрович Погодин	1800–1875	Россия	«Исследования, замечания и лекции о русской истории»

Рекомендуемая литература

Алпатов, М. А. 1985. *Русская историческая мысль и Западная Европа (XIII – первая половина XIX в.)*. Гл. V. М.: Наука.

Виппер, Р. Ю. 1908. *Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественными движениями на Западе*. Гл. VIII–XII. М.

Гринин, Л. Е.

2006. *Производительные силы и исторический процесс*. М.: КомКнига.

2010. Личность в истории: эволюция взглядов. *История и современность* 2: 3–44.

Илющечкин, В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества: История и проблемы*. Гл. 1. М.: Вост. лит-ра.

Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. Гл. 3. М.: Высшая школа, 1980.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. Раздел 2. М.: Высшая школа, 1990.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина и др. Раздел II. М.: МГУ, 1977.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. Ч. III, § 1, 7, 9. М.: Наука.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Кроче, Б. 1998. *Теория и история историографии*. Раздел 2, гл. VI, VII. М.: Школа «Языки русской культуры».

Резов, Б. Г. 1956. *Французская романтическая историография 1815–1830*. Л.: ЛГУ.

Репина, Л. П. и др. 2004. *История исторического знания*. Гл. 6. М.: Дрофа.

Смоленский, Н. И. 2007. *Теория и методология истории*. Гл. 8, 9. М.: Академия.

Тош, Д. 2000. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Гл. 1. М.: Весь мир.

Шапиро, А. Л. 1993. *Историография с древнейших времен до 1917 г.* Лекция 16–26. М.: Культура.

Grinin, L. E. 2010. The Role of an Individual in History: a Reconsideration. *Social Evolution & History* 9(2): 95–136.